

Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95).
 Political Linguistics. 2022. No 5 (95).

УДК 81'42:81'38
 ББК Ш105.51+Ш105.554.5

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19 (5.9.8)

doi: 10.26170/1999-2629_2022_05_13

Олег Игоревич Калинин^{1,2✉}, Дарья Владимировна Мавлеева^{2,3✉}

¹Военный университет Министерства обороны, Москва, Россия, okalinin.lingua@gmail.com✉

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

³selezneva_dv@mail.ru✉

Анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР, КНДР и Республики Корея

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются средства репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в китайских, южнокорейских и северокорейских СМИ (материал составили 90 новостных сообщений ведущих информационных агентств КНР, 90 южнокорейских статей и 42 статьи СМИ КНДР). Критические и дескриптивные исследования репрезентации политических событий, проводимые на основе анализа медиадискурса, значимы как с теоретической точки зрения, так как позволяют глубже понять суть механизма формирования общественного мнения, так и с практической точки зрения, так как являются важным прогностическим и защитным механизмом в процессе перманентного информационно-психологического воздействия. С позиций когнитивного подхода с использованием методов качественно-количественного контент-анализа корпуса текстов авторы рассматривают оценочный и содержательный компоненты событий на Украине. Анализ показал, что военная операция в КНР рассматривается с содержательной стороны, с детальным описанием экономического, политического и исторического контекста, а оценочность при этом позитивно-нейтральная. Анализ публикаций в РК демонстрирует намерение южнокорейских СМИ создать негативный образ действий РФ, что характеризуется поддержкой позиции союзников в лице США. Репрезентация СВО в СМИ КНДР носит положительный характер, действия России рассматриваются как необходимые в данной исторической ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, политический дискурс, китайские СМИ, корейские СМИ, корпусный анализ, языковая репрезентация, средства репрезентации, специальная военная операция, освещение событий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Калинин Олег Игоревич, кандидат филологических наук, докторант 40 кафедры (дальневосточных языков) Военного университета МО РФ, доцент кафедры китайского языка МГЛУ; 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр.1; e-mail: okalinin.lingua@gmail.com.

Мавлеева Дарья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ; 119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр.1; e-mail: selezneva_dv@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Калинин, О. И. Анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР, КНДР и Республики Корея / О. И. Калинин, Д. В. Мавлеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 135–144. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_13.

Oleg I. Kalinin^{1,2✉}, Dar'ya V. Mavleeva^{2,3✉}

¹Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russia, okalinin.lingua@gmail.com✉

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

³selezneva_dv@mail.ru✉

A Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special Military Operation in Ukraine in the Mass Media of the PRC, DPRK and the Republic of Korea

ABSTRACT. The article examines the means of representation of the special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in Ukraine in the Chinese, South Korean and North Korean media (the material for analysis comprises 90 news reports of the leading news agencies of the PRC, 90 South Korean articles and 42 articles of the DPRK media). Critical and descriptive studies of the representation of political events conducted on the basis of the analysis of the media discourse are significant both from the theoretical point of view, as they provide a deeper understanding of the mechanism of formation of public opinion, and from the practical point of view, as they are an important prognostic and protective mechanism in the process of permanent information and psychological impact. From the standpoint of the cognitive approach using the methods of qualitative and quantitative content analysis of the corpus of texts, the authors consider the evaluative and the factual content components of events in Ukraine. The analysis showed that the special military operation in the People's Republic of China is considered from the content aspect, with a detailed description of the economic, political and historical context, and the evaluation is positive or neutral. The analysis of publications in the Republic of Korea demonstrates the intention of the South Korean media to create a negative image of the Russian Federation, which is characterized by the support for the position of the United States by its ally. The representation of the special military operation in the DPRK media is positive; Russia's actions are considered necessary in this historical situation.

© Калинин О. И., Мавлеева Д. В., 2022

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, political discourse, Chinese media, Korean media, corpus analysis, language representation, representation means, special military operation, coverage of events.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kalinin Oleg Igorevich, Candidate of Philology, Doctoral Student of Department No 40 (Far Eastern Languages), Military University of the Ministry of Defense, Associate Professor of the Chinese Language Department, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.*

Mavleeva Dar'ya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Oriental Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: *Kalinin O. I., Mavleeva D. V. (2022). A Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special Military Operation in Ukraine in the Mass Media of the PRC, DPRK and the Republic of Korea. In Political Linguistics. No 5 (95), pp. 135-144. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_05_13.*

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация в области политики на современном этапе носит перманентный характер, что обусловлено фактически полным ее слиянием со средствами «доставки» информации, то есть со СМИ. Новостное сообщение, появляясь в СМИ или социальной сети, мгновенно доносится до адресата, а поток новостей не иссякает ни на минуту. Также нельзя не отметить, что политическая коммуникация вследствие слияния с медиадискурсом приобрела массовый характер. Так, информационные потоки во многом похожи на цунами, где каждый человек, по сути, постоянно находится в «прибрежной зоне», и скрыться от воздействия или последствий информационной волны нет никакой возможности.

В этой связи мы полагаем, что исследование репрезентации тех или иных значимых социально-политических событий в средствах массовой информации является важным и неизменно актуальным, так как:

1) анализ репрезентации того или иного события позволяет прогнозировать и контролировать общественное мнение;

2) исследование политической коммуникации через анализ СМИ позволяет выявлять механизмы формирования общественного мнения и корректировать этот процесс и/или противодействовать ему;

3) указанные процессы являются значимыми с точки зрения обеспечения информационной безопасности государства.

Так, мы видим, что критические и дескриптивные исследования репрезентации политических событий, проводимые на основе анализа медиадискурса, значимы как с теоретической точки зрения, так как позволяют глубже понять суть механизма формирования общественного мнения, так и с практической точки зрения, так как являются важным прогностическим и защитным механизмом в процессе перманентного информационно-психологического воздействия.

Одним из событий мирового масштаба явилась специальная военная операция ВС

России на Украине (далее СВО). По оценкам многих экспертов, СВО во многом будет определять архитектуру будущего мироустройства, так как представляет собой критически важный шаг по переходу к многополярному мировому устройству. Не вдаваясь в политологический анализ, мы отметим, что события на поле боя постоянно сопряжены с не менее «ожесточенным сражением», которое развернулось среди лидеров мнений мировой общественности.

На фоне фактически безоговорочной массовой критики действий России в западных СМИ особый интерес представляют альтернативные мнения в других частях мира, среди которых одним из наиболее значимых представляется оценка СВО со стороны КНР, одной из крупнейших экономик мира, постоянного члена Совета Безопасности ООН и страны, принимающей все более активное участие в решении всех глобальных проблем. Не менее интересным представляется оценка СВО, репрезентируемая в СМИ Республики Корея, одного из важных союзников США в АТР, и в официальных газетах КНДР, главного антагониста западного мира.

Исходя из актуальности изучения проблемы медиарепрезентации общественно-политических событий в целом и важности описания СВО в СМИ азиатских стран, мы ставим целью данного исследования рассмотреть средства языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР, КНДР и Республики Корея.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом данного исследования стали 90 новостных сообщений ведущих информационных агентств КНР («Синьхуа», «China.com», «Жэньминь жибао», «Феникс» и др.), опубликованные в период с 24 февраля по 24 мая 2022 г., общим объемом 195 084 иероглифических знака.

Для анализа репрезентации СВО на Украине в корейских медиа мы отобрали

90 южнокорейских статей ведущих новостных ресурсов РК («Ёнхап ньюс», «Чунан ильбо», «Тона ильбо», «Хангук ильбо», YTN) общим объемом 45 069 знаков и 42 северокорейские статьи общим объемом 36 285. Так как СМИ в КНДР четко транслируют позицию Трудовой партии, меньшее количество статей для Севера также является репрезентативным. Основным средством массовой информации там является Центральное телеграфное агентство Кореи (ЦТАК), а также центральный печатный орган ежедневная газета «Нодон синмун».

Методический инструментарий анализа репрезентации СВО представлен корпусным контент-анализом, который технически состоит из двух этапов:

- 1) количественный анализ — использование программы-конкордансера для составления списка наиболее частотных лексем и списка коллокаций по ключевым словам;
- 2) качественный анализ — группировка частотных лексем по тематическим блокам, выявление смысловых закономерностей в употреблении ключевых слов и коллокаций.

Контент-анализ проводился при помощи программы построения конкорданса и анализа текста AntConc (Build 3.5.8) [Anthony 2013]. Эта программа имеет ряд возможностей для детального анализа большого объема текстовой информации и выявления наиболее характерных для заданной выборки лексических элементов и их сочетаний. Функция «Word List» этой программы подсчитывает все слова в корпусе и создает их упорядоченный список. С помощью этого инструмента можно быстро определить частоту появления слова в корпусе.

При количественном подсчете наиболее употребительной лексики в собранных нами корпусах мы, руководствуясь большим объемом корпуса, принимали во внимание только те лексические единицы, которые употреблялись более 28—30 раз для СМИ КНР и РК и более 15 раз для СМИ КНДР ввиду меньшего объема анализируемого материала для последней выборки. После количественного анализа мы разбивали выявленные значимые лексемы по тематическим группам, анализируя количественное распределение частотности лексем в каждой из групп. Кроме того, значимым этапом в нашем исследовании явился качественный анализ отдельных предложений, которые отражают позиции автора медиасообщения относительно СВО.

На наш взгляд, подобный методический подход является действенным инструментом получения валидных выводов о состоянии политической повестки в том или ином

государстве, потому что: 1) в его основе лежит анализ корпуса текстов, что позволяет избежать неточностей, характерных при исследовании отдельных медиатекстов; 2) тематическая группировка и качественный анализ позволяют уточнять выводы, полученные в результате количественного анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой исследования является когнитивно-дискурсивный подход, в рамках которого репрезентация общественно-политического события в СМИ рассматривается как результат концептуализации в сознании массового адресата, а медиадискурс является отражением вербализации этого процесса. На наш взгляд, именно концептуализация, первичная или вторичная, лежит в основе формирования общественного мнения и потому является ключевым инструментом информационно-психологического воздействия.

На современном этапе развития отечественной лингвистики вопросы воздействия в СМИ, связанные с формированием общественного мнения, рассматриваются в рамках междисциплинарного направления «Лингвистика информационно-психологической войны» [Колмогорова, Калинин, Талдыкина 2016; Копнина 2018; Кушнерук, Чудинов 2019; Приходько 2021; Сковородников, Копнина 2016].

Это направление исследований последовательно рассматривает различные методологические основания политического информационного противоборства в его языковом выражении, представляя собой совокупность подходов и методов исследования проявлений информационного воздействия.

Многие исследователи указывают, что основой информационно-психологического противоборства является воздействие на когнитивном уровне. Так, С. Л. Кушнерук пишет, что коммуникативные приемы идеологического воздействия на психику целевой аудитории детерминируются макроструктурой дискурсивного мира информационно-психологической войны, который формируется из тематических макрофреймов и относящихся к ним когнитивных структур (фреймов и субфреймов), объединенных наличием общего семантического ядра [Кушнерук 2020: 14–17].

Медиадискурс сейчас также активно изучается как инструмент непосредственной реализации коммуникативных стратегий и тактик, связанных с информационно-психо-

логическим противоборством, реализуемым на когнитивном уровне. Как мы указывали ранее, «любое общественно-политическое событие посредством освещения в СМИ, поступает к массовому адресату в виде языковой репрезентации нового концепта или изменения содержания имеющегося концепта, который, соединяясь с ментальными установками каждого отдельного адресата, то есть его базовыми знаниями и набором персонального опыта, концептуализируется, категоризируется и интерпретируется» [Калинин 2020: 94].

Кроме того, медиадискурс часто рассматривается как важный инструмент формирования или изменения образа государства или его институтов, что является одной из форм реализации внутренней и внешней политики. Так, Сунь Минцин рассмотрел основные этапы формирования образа России в Китае посредством анализа газетных заголовков [Сунь 2018]. В нашем прошлом исследовании мы также уже рассматривали новостные медиа как определяющий инструмент в процессе создания образа одной страны в сознании народа другой страны, изучив, в частности, репрезентацию событий на Украине в свете изменения образа России в Китае [Калинин 2015]. Кроме того, в исследовании А. В. Игнатенко и Е. А. Дорофеевой была проанализирована метафоричность политического дискурса с точки зрения механизма манипуляции общественным мнением в СМИ России, Украины, Китая и США в контексте признания независимости ЛНР и ДНР российским правительством,

а также начала проведения СВО [Игнатенко, Дорофеева 2022].

Таким образом, мы полагаем, что меди-апространство — это важнейший канал формирования общественного мнения о любом государственном институте или общественно-политическом событии, которое осуществляется языковыми средствами на когнитивном уровне. В этой связи анализ языковой репрезентации события или института представляется нам простым и действенным методом срезового анализа общественного мнения и прогнозирования внутри- и внешнеполитической ситуации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И АНАЛИЗ

1. Количественный анализ китайского медиадискурса

В результате количественного анализа новостных текстов на китайском языке, связанных с описанием СВО ВС РФ на Украине, мы выделили тематически значимые лексемы, исключив из анализа общеупотребительную и служебную лексику. Полученные лексемы мы разделили на 4 тематических группы: стороны конфликта (наименования стран, международных организаций, имена политиков); военная сфера (наименования населенных пунктов на территории Украины, военная лексика, отражающая непосредственно боевые действия); политика и экономика (лексемы, характеризующие политико-экономический аспект проведения СВО); история (лексемы, описывающие исторический контекст).

Таблица 1

Результаты количественного анализа китайского медиадискурса

Стороны конфликта		Военная сфера		Политика и экономика		История	
乌克兰— Украина	1632	战争 — война	206	经济 — экономика	81	苏联 — СССР	158
俄罗斯— Россия	1015	俄军 — ВС РФ	143	天然气 — газ	79	哥萨克 — казаки	72
北约 — НАТО	202	冲突 — кон- фликт	133	工业 — промышлен- ность	42	历史 — история	85
美国 — США	182	军队 — войска	116	制裁 — санкции	34	克里米亚 — Крым	60
波兰 — Польша	177	乌军 — ВСУ	113	能源 — энергетика	32	独立 — независи- мость	66
基辅 — Киев	174	军事 — военный	87	问题 — проблема	113	帝国 — Империя	47
西方 — Запад	161	马里乌波尔 — Мариуполь	70	发展 — развитие	88	沙皇 — царь	32
欧洲 — Европа	119	顿巴斯 — Дон- басс	68	统治 — господство	61	赫鲁晓夫 — Хру- щев	31
德国 — Герма- ния	83	东部 — восток	66	控制 — контролиро- вать	60	东扩 — расшире- ние на восток	31
莫斯科 — Мо- сква	81	武器 — воору- жение	49	谈判 — переговоры	51	苏俄 — советская Россия	42

Окончание таблицы 1

Стороны конфликта		Военная сфера		Политика и экономика		История	
俄乌 – российско-украинский	80	战斗 – бой	48	重要 – важный	50		
白俄罗斯 – Белоруссия	48	顿涅茨к До-нецк	50	安全 – безопасность	49		
俄国 – Россия	80	部队 части	44	建立 – создать	48		
欧盟 – ЕС	55	战略 – стратегия	51	结束 – завершить	47		
普京 – Путин	50	作战 – вести бой	40	世界 – мир	46		
日本 – Япония	45	打击 – удар	38	提供 – предоставить	46		
立陶宛 – Литва	37	士兵 – солдат	37	援助 – помощь	45		
		领土 – территория	38	威胁 – угроза	43		
		进攻 – атака	37	局势 – тенденция	41		
		爆发 – вспыхнуть	38	形成 – сформировать	41		
		导弹 ракета	32	政治 – политика	41		
		入侵 – вторжение	35	支持 – поддержка	40		
		占领 – захват	39				
军事行动 – боевые действия	49						
ВСЕГО	4221 (1574)		1708		1266		624

На наш взгляд, даже подобный довольно поверхностный анализ дает достаточно информации о том, какова содержательная сторона описания СВО на Украине в текстах китайских новостных сообщений. Если не принимать во внимание наиболее частотные лексемы «Россия» и «Украина», так как очевидно, что они упоминались в каждой новости многократно, то в процентном соотношении наиболее значительными стали тематические блоки «Военная сфера» (33,3 %) и «Стороны конфликта» (30,4 %), что не является странным, так как, очевидно, новость сообщает новую информацию, а новостные сообщения о боевых действиях не могут не содержать информации о военном аспекте конфликта сторон. Более интересным является значительный пласт лексики политико-экономического характера (24,4 %), что свидетельствует о достаточно большом внимании в китайских СМИ к экономическому и политическому контексту происходящих событий. Кроме того, значительный разброс упоминаемых сторон конфликта (ЕС, США, Польша, Литва) также демонстрирует, что в китайских новостях значительное внимание уделяется большому количеству сторон, которые оказались вовлечены в события, связанные с военной операцией. Наиболее интересным и неожиданным результатом данного этапа анализа является значимый

удельный вес лексем, которые мы соотнесли с тематической группой «История» (12,06 %). Это явно подчеркивает внимание к историческому контексту происходящих событий, попытку не только описать, но и объяснить происходящее.

Далее мы детальнее рассмотрим отдельные лексемы, постараемся выявить их роль в формировании той или иной оценки СВО среди китайской аудитории. Для этого последовательно остановимся на каждой из выделенных тематических групп.

Тематическая группа «Стороны конфликта» прежде всего обращает на себя внимание большим разнообразием стран и регионов: Литва, Польша, Германия, ЕС, Европа, США, Япония. Все эти страны и регионы упоминались более 30 раз, а упоминание НАТО составило 282 раза. Эти статистические данные прежде всего свидетельствуют о том, что в медиадискурсе КНР СВО рассматривается в широком внешнеполитическом контексте, где западные страны и военно-политические организации считаются активно вовлеченными в конфликт.

Детальный анализ семантики лексем тематической группы «Военная сфера» позволяет понять формируемое в Китае отношение непосредственно к военной операции, к ее методам и применяемым средствам. Прежде всего стоит отметить, что мы не вы-

явили среди значимых лексемы, которые так или иначе связаны с пострадавшими или жертвами боевых действий. Например, лексема 牺牲 (пострадавший, жертва) встретилась 4 раза, 杀死 (убивать) — 3 раза, 平民 (мирный житель) — 7 раз, даже широко тиражируемый в западных СМИ топоним 布恰 (Буча), относящийся к месту, где произошли невыясненные события, в результате которых погибло определенное количество мирных жителей, упоминается только лишь 5 раз. Это говорит о том, что китайские СМИ очень мало внимания уделяют «темной» стороне конфликта, т. е. жертвам, пострадавшим; в них не тиражируются неподтвержденные обвинения в военных преступлениях, не описывается жестокость ни одной из сторон. Если взглянуть на самые частотные лексемы в этом тематическом блоке, то мы увидим, что это наиболее характерные для военного дела слова: *воинская часть, атака, удар, оружие, солдат, вести бой* и проч. Отдельно стоит упомянуть, что наряду с термином 战争 (война) для описания происходящих событий также используется более нейтральное 冲突 (конфликт), и в целом концепт «ВОЙНА» в китайской лингвокультуре не идентичен русскому [Kalinin, Mavleev 2019], война в сознании носителей китайской ментальности соотносится с противостоянием, соперничеством, а не с жестокостью и смертью.

Рассмотрим далее тематическую группу «Экономика и политика», где мы видим довольно широкий с содержательной точки зрения разброс лексем. В целом все они отражают сложившуюся вокруг России политико-экономическую ситуацию: *санкции, газ, энергетика,*

промышленность; и взаимодействие стран с Украиной: *помощь, поддержка* и т. д.

Тематический блок «История» свидетельствует о том, что китайские медиа стремятся дать очень глубокий исторический обзор взаимоотношений между двумя странами: *казаки, царь, СССР, расширение на восток* (НАТО) — все эти лексемы относятся к разным периодам истории, и их высокая частотность показывает, что в китайских СМИ СВО рассматривается как следствие исторических противоречий, а также результат внешнеполитических причин.

2. Количественный анализ южнокорейского и северокорейского медиадискурса

В результате количественного анализа новостных текстов, связанных с описанием СВО ВС РФ на Украине, мы выделили значимые лексемы, которые для южнокорейского дискурса (таблица 2) были разделены на 3 тематические группы: стороны конфликта (наименования стран, международных организаций, имена политиков); военная сфера (наименования населенных пунктов на территории Украины, военная лексика, отражающая непосредственно боевые действия); политика и экономика (лексемы, характеризующие политико-экономический аспект проведения СВО); для северокорейского (таблица 3) — 2 тематические группы: стороны конфликта; международная политика. Наличие всего 2 тематических групп в выборке по Северной Корее позволяет сделать вывод о том, что ситуация на Украине рассматривается руководством страны как исключительно международный политический конфликт, связанный США и их союзниками.

Таблица 2

Результаты количественного анализа южнокорейского медиадискурса (от 28 и выше)

Стороны конфликта		Военная сфера		Политика и экономика	
우크라이나/ 우크라 Украина	806	전쟁 – война	122	경제 – экономика, экономический	36
러시아 – Россия	764	러시아군 /러군– ВС РФ	305	제재 – санкции	103
푸틴– Путин	106	공격 – атака	111	세계 – мир, миро- вой	33
미국/ 미 – США	197	병력 – войска, лич- ный состав	40	방문 – визит	29
유엔 – ООН	35	우크라이나군/ 우크라군 – ВСУ	93	금융 – финансовый	28
젤렌ский – Зелен- ский	64	침공 –вторжение	160	국제 – междуна- родный	72
서방 (+서방국) – Запад	60	마리우폴 – Мариу- поль	139	시위– демонстра- ция	31

Окончание табл. 2

Стороны конфликта		Военная сфера		Политика и экономика	
유럽 (유럽연합) – Европа	51 (16)	돈바스 – Донбасс	52	지원 – поддержка	72
영국– Англия	51	동부 – восток	45	인도주의 – гуманизм	31
친러 – пророссийский	29	무기 – оружие	57	협상 – переговоры	30
		전투 – бой	33	가입 – вступление	31
		점령 – оккупация	40	평화 – мир, мирный	29
		아조우스탈 /아조브스탈 – Азов-сталь	40		
		군사 – военный	50		
		민간인 – гражданский	91		
		포위 – окружение, охват	31		
		병사 – солдат	33		
		국방부 – МО	48		
		대피 – эвакуация	64		
		군인 – военнотру-жащий	31		
		장악 – захват	43		
		휴전 – перемирие	35		
		포격 – арт. обстрел	32		
		남부 – юг	54		
		크림반도 – Крымский полуостров	37		
ВСЕГО: 4474	2163 (48,3%)		1786 (40%)		525 (11,7%)

Таблица 3

Результаты количественного анализа северокорейского медиадискурса (от 15 и выше)

Стороны конфликта		Международная политика	
우크라이나 – Украина	70	경제 – экономика, экономический	18
로씨야 – Россия	155	제재 (+제재광증/제재명단/제제조치/제재전/제재책동) – санкции	40
미국 – США	194	세계 – мир, мировой	61
서방 (+서방나라) – Запад	96	납입 – поставки (оружия)	17
유럽 (+유럽나라, 유럽동맹성원국) – Европа	36	평화 – мир, мирный	22
나토 (+나토성원국) – НАТО	31	우크라이나사태 – ситуация вокруг Украины	69
영국– Англия	26	계기 – повод	15
일본 – Япония	25	나토가입 – вступление в НАТО	15
		대로씨야/반로씨야 – антироссийский	28
		나라 – страна	35
		대응 – противодействие, ответное действие	22
		동맹 – союзник	17
		비난 – критика	19
		안전 – безопасность	15
		안정 – стабильность	24
		압박 – давление	18
		위협 – угроза	16
		패권 – превосходство, империалистический	15
ВСЕГО: 1099	633 (57,5%)		466 (42,5%)

В результате анализа удалось выявить, что для Республики Корея (далее РК) наиболее значимыми оказались группы «стороны конфликта» — 48,3 %, а также «военная сфера» — 40 %. Доля тематического блока «политика и экономика» (11,7 %) сравнительно низкая. РК официально поддерживает Украину, выделила гуманитарную помощь на ее восстановление, присоединилась к ряду санкций, но также добилась исключения из правила прямого иностранного продукта (FDPR), отказываясь ввязываться в далекий от страны конфликт. Накануне визита президента РК Юн Сок Ёля в Мадрид на саммит НАТО в РК был проведен опрос общественного мнения, результаты которого показывают, что «более 70 процентов граждан Республики Корея (РК) считают, что Сеул не должен вмешиваться в конфликт на Украине и помогать Киеву оружием и боеприпасами, ограничившись поставками гуманитарной помощи».

Наибольшую частотность в тематической группе «стороны конфликта» имеют лексемы 우크라이나/우크라 — Украина (806) и 러시아 — Россия (764). Европейская территория представлена лексемами 유엔 ООН (35), 서방/서방국 — Запад (60), 유럽 (유럽 연합) — Европа/Евросоюз (51) и 영국 — Англия (51). При этом лексема 나토 — НАТО упоминается всего 21 раз и не является частотной. Таким образом, можно заметить, что для РК НАТО не является важной стороной конфликта.

Что касается КНДР, то на основе частотности лексем тематического блока «стороны конфликта» можно сделать вывод о том, что в СМИ КНДР главными участниками конфликта являются не 우크라이나 — Украина (70) и 로씨야 — Россия (155), а 로씨야 Россия (155) и 미국США (194). При этом в свойственной северокорейскому агитпропу манере США также именуются как 미국이라는것은 (досл. «То, что называется США») и 미국실패권 (досл. «гибельный режим США»). О том, что главным виновником конфликта на Украине в КНДР считают США, свидетельствуют и заголовки северокорейских статей, например: 도발자는 과연 누구인가? «Кто провокатор?» или 정세격화의 주범은 누구인가? — «Кто виновник эскалации?». Стоит отметить, что Северная Корея вслед за Сирией признала независимость ДНР и ЛНР. В отличие от медиадискурса РК, частотность лексемы НАТО в северокорейских новостях составила 31, что позволяет говорить о том, что организация также рассматривается руководством страны как участник конфликта.

3. Качественный анализ репрезентации СВО в китайском медиадискурсе

Далее в рамках анализа коллокаций проведем краткий анализ лексики, которая связана с наиболее характерными обозначениями СВО в китайских СМИ, а именно 战争 (война) и 冲突 (конфликт). Функция «Collocates» в программе AntConc позволяет выявить наиболее частотные лексемы, которые стоят справа и слева от искомой на определенном расстоянии. Анализ коллокаций с лексемой 战争 не демонстрирует каких-либо лексем, репрезентирующих негативное или, напротив, позитивное отношение. Это все слова, которые частотно сочетаются с 战争 — 开始 (начать), 结束 (закончить), 进行 (вести), 持续 (длиться). Единственной лексемой, контекст которой может быть связан с определенной оценочностью — это 罪行 (преступление), всего 7 словоупотреблений.

Рассмотрим некоторые примеры употребления этих лексем в более широком контексте:

BBC 5月18日报道称, 迄今为止, 乌克兰已经确定了俄罗斯可能犯下的10000多起“战争罪行” — По сообщению BBC от 18 мая до настоящего момента Украина уже подтвердила возможные 10 000 случаев военных преступлений России. В этом предложении понятие «военное преступление» соотносится с действиями России, однако со ссылкой на другой источник информации (BBC) и в «потенциально возможном» контексте.

卫报乌克兰已将为俄罗斯军队犯下的“暴行”作为伸张正义的优先事项。即使在布满地雷的地区, 乌克兰检察官也在冒着生命危险收集战争罪行的证据 — По сообщению «Гардиан», Украина сделала своим приоритетом поиск справедливости в вопросе совершенных российской армии «зверств», и несмотря на заминированность района Бучи, следователи, рискуя жизнью, ищут доказательства военных преступлений. В этом предложении опять мы встречаем отсылку на сторонний источник с Запада («Guardian»), кроме того, лексема с негативной коннотацией 暴行 (зверства) взята в кавычки.

Анализ коллокаций с лексемой 冲突 (конфликт) не выявил значимых оценочных сочетаний. Стоит выделить только наличие в поле сочетаемости таких единиц, как 因为 (так как), 结果 (результат), 来龙去脉 (причинно-следственные связи), что свидетельствует о нарративе, связанном с поиском причин и последствий конфликта.

4. Качественный анализ репрезентации СВО в южнокорейском и северокорейском медиадискурсе

Подробное рассмотрение семантики используемых в СМИ лексем тематической группы «Военная сфера» в южнокорейском дискурсе позволяет понять формируемое в СМИ РК отношение к СВО и действиям сторон конфликта. Для обозначения ситуации используются лексемы 침공 «вторжение» (160) и 전쟁 «война» (122), но частотность первой выше. Таким образом, предпочтение отдается стилистически окрашенному термину с негативной коннотацией, что формирует агрессивный образ России. Для обозначения действий России используется и лексема 점령 «оккупация», «захват» (40). Рассмотрим контекст:

미국은 23일(현지시간) 러시아군이 우크라이나 전면 침공 준비를 마쳤으며 침공이 임박했다고 경고하고 나섰다. — 23 числа США предупредили о том, что российские войска завершили подготовку к полномасштабному вторжению в Украину, а также о том, что вторжение неизбежно.

미국 국무·국방장관이 러시아의 우크라이나 침공 후 처음으로 현지를 방문한다. — Государственный секретарь и министр обороны США впервые после вторжения России прибыли с визитом в Украину.

우크라이나 공군은 전쟁 과정에서 최소 15대의 전투기를 잃었고, 지난달 18일에는 서부 리비우에 위치한 군용기 정비창도 공격받았다. — С начала войны ВВС Украины потеряли не менее 15 истребителей, а 18 числа прошлого месяца был нанесен удар по авиационно-ремонтному заводу Львова.

전쟁 발발 직후 미국은 러시아산 석탄·석유·천연가스 수입을 전면 금지했지만, 우라늄은 금수 대상에서 제외됐다. — Сразу после начала войны Соединенные Штаты полностью запретили импорт российского угля, нефти и природного газа, но уран был исключен из-под эмбарго.

에네르호다르시는 우크라이나 최대 원자력발전소인 자포리자 원전이 근접한 지역으로, 러군의 원전 점령 시도와 함께 집중포화를 받은 접전 지역이다. — Российская армия нанесла сосредоточенный удар по городу Энергодар, который находится недалеко от Запорожской атомной электростанции, в попытке овладеть им.

그러나 러시아군은 키이우 점령 작전을 전개한 직후 부실한 전략과 심각한 병참 부족으로 고전했다. — Сразу же после начала операции по захвату Киева российская армия столкнулась с серьезной нехваткой

материально-технического обеспечения, а также проблемами с командованием.

Как можно увидеть из контекста, лексемы 침공 «вторжение» и 점령 «оккупация», «захват» почти повсеместно используются в отношении действий России и в окружении лексемы 러시아 «Россия» или 러군 «российская армия». Термин «война» используется в более нейтральном контексте, для обозначения боевых действий в целом, зачастую без обозначения сторон конфликта. Лексема 분쟁 «конфликт» практически не встречается. В северокорейском медиадискурсе, в свою очередь, используется нейтральная лексема 우크라이나사태 «ситуация на Украине».

Тематический блок «Международная политика» в медиадискурсе КНДР представлен лексемами 계기 «повод», 위협 «угроза», 압박 «давление», 패권 «превосходство, империалистический» и др., что свидетельствует о намерении сформировать оценочный компонент характеристик ситуации на Украине. Репрезентация СВО происходит в контексте серьезной критики действий США и западных стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный нами качественно-количественный контент-анализ средств лексической репрезентации СВО в китайском и корейском медиадискурсах свидетельствует о валидности предложенного подхода для анализа процесса формирования общественного мнения.

Среди практических выводов мы можем отметить, что в медиадискурсе КНР скорее отсутствует стремление сформировать оценочный компонент концептуального знания о ситуации на Украине. При этом мы видим, что значительное внимание уделяется историческому контексту взаимоотношений России и Украины и внешнему социально-экономическому фону. Все это дает нам основания полагать, что репрезентация СВО на Украине в китайских медиа носит позитивно-нейтральный характер, в Китае создается образ внешнего далекого конфликта, который имеет глубокие исторические корни, весьма серьезные экономико-политические последствия, но в целом Китая не касается, поэтому КНР не стремится выбрать какую-либо из сторон конфликта, постулируя данный факт как через свою дипломатию, так и через СМИ посредством соответствующей репрезентации происходящих событий.

Анализ публикаций в РК демонстрирует намерение южнокорейских СМИ создать негативный образ действий РФ, что характеризуется поддержкой позиции союзников в ли-

це США. Сам военный конфликт описывается как «вторжение» и «оккупация» со стороны России, а действия ВС РФ преподносятся в отрицательном ключе.

Репрезентация СВО в СМИ КНДР носит положительный характер, действия России рассматриваются как необходимые в данной исторической ситуации. При этом еще более значительное внимание уделяется тому, что причиной конфликта служат действия США и их союзников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Игнатенко, А. В. Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений / А. В. Игнатенко, Е. А. Дорофеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 3 (93). — С. 27–38.
2. Калинин, О. И. Политический имидж России в СМИ КНР: к вопросу о тональности текста в связи с событиями на Украине / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 1 (51). — С. 98–103.
3. Калинин, О. И. Сравнительная характеристика языковой репрезентации концепта ТОРГОВАЯ ВОЙНА в СМИ КНР и США / О. И. Калинин. — Текст : непосредственный // Филология: научные исследования. — 2020. — № 11. — С. 93–107.
4. Колмогорова, А. В. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Талдыкина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 194–199.
5. Копнина, Г. А. «Лингвистика информационно-психологической войны» в Сибирском федеральном университете: презентация научного проекта / Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов : сборник трудов Всерос. науч. конф. — Новосибирск, 2018. — С. 338–348.
6. Кушнерук, С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса / С. Л. Кушнерук. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 12–21.
7. Кушнерук, С. Л. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2019. — № 4-1. — С. 105–118.
8. Приходько, М. В. О коммуникативных стратегиях информационных войн современности / М. В. Приходько. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 117–125.
9. Сковородников, А. П. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия / А. П. Сковородников, Г. А. Копнина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 1 (55). — С. 42–50.
10. Сунь, М. Имидж России в современном китайском медиадискурсе и его языковая репрезентация (на основе заголовков «Жэньминь жибао» и «Гуанмин жибао» за 2000–2017 гг.) / Сунь М. — Текст : непосредственный // Социология. — 2018. — № 4. — С. 155–166.
11. Anthony, L. A critical look at software tools in corpus linguistics / L. Anthony. — Text : unmediated // Linguist. Res. — 2013. — Vol. 30. — Iss. 2. — P. 141–161.
12. Kalinin, O. WAR in cognition and language: comparative analysis of Russian and Chinese cultures / O. Kalinin, R. Mavleev. 2020. (In print).

REFERENCES

1. Ignatenko, A. V., & Dorofeeva, E. A. (2022). Politicheskie metafory v kontekste stereotipizatsii i kognitivnykh iskazhenij [Political metaphors in the context of stereotyping and cognitive distortions]. *Political Linguistics*, 3, 27–38. (In Russ.)
2. Kalinin, O. I. (2015). Politicheskij imidzh Rossii v SMI KNR: k voprosu o tonal'nosti teksta v svyazi s sobyitiami na Ukraine [The political image of Russia in the PRC media: on the question of the tone of the text in connection with the events in Ukraine]. *Political Linguistics*, 1, 98–103. (In Russ.)
3. Kalinin, O. I. (2020). Sravnitel'naya harakteristika yazykovoj reprezentatsii koncepta TORGOVAYA VOJNA v SMI KNR i SSHA [Comparative characteristics of the language representation of the concept TRADE WAR in the media of China and the USA]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 11, 93–107. (In Russ.)
4. Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., & Tal'dykina, Yu. A. (2016). Yazykovye markery manipulyatsii v polyarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii [Language Markers of Manipulation in Polarized Political Discourse: Parametrization Experience]. *Political Linguistics*, 4, 194–199. (In Russ.)
5. Kopnina, G. A. (2018). «Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny» v Sibirskom federal'nom universitete: prezentatsiya nauchnogo projekta [“Linguistics of information-psychological warfare” at the Siberian Federal University: presentation of a scientific project]. In *Informacionnye vojny kak bor'ba geopoliticheskikh protivnikov, civilizatsij i razlichnykh etosov: sbornik trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (pp. 338–348). Novosibirsk. (In Russ.)
6. Kushneruk, S. L. (2020). Diskursivnyj mir informacionno-psihologicheskoy vojny: reprezentatsionnaya struktura po dannym korpusa [The Discursive World of Information-Psychological Warfare: Representational Structure Based on Corpus Data]. *Political Linguistics*, 5, 12–21. (In Russ.)
7. Kushneruk, S. L., & Chudinov, A. P. (2019). Razvitie lingvistiki informacionno-psihologicheskoy vojny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty [Development of Linguistics of Information-Psychological Warfare: Methodological Heterogeneity and First Results]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 4, 105–118. (In Russ.)
8. Prikhodko, M. V. (2021). O kommunikativnykh strategiyah informacionnykh vojn sovremennosti [On communicative strategies of modern information wars]. *Political Linguistics*, 3, 117–125. (In Russ.)
9. Skovorodnikov, A. P., & Kopnina, G. A. (2016). Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information-psychological warfare: to the justification and definition of the concept]. *Political Linguistics*, 1, 42–50. (In Russ.)
10. Sun, M. (2018). Imidzh Rossii v sovremenном kitajskom mediadiskurse i ego yazykovaya reprezentatsiya (na osnove zagolovkov «Zhen'min' zhibao» i «Guanmin zhibao» za 2000–2017 gg.) [The image of Russia in modern Chinese media discourse and its linguistic representation (based on the headings “People's Daily” and “Guangming Daily” for 2000–2017)]. *Sociologiya*, 4, 155–166. (In Russ.)
11. Anthony, L. (2013). A critical look at software tools in corpus linguistics. *Linguist. Res.*, 30(2), 141–161.
12. Kalinin, O., & Mavleev, R. (2020). WAR in cognition and language: comparative analysis of Russian and Chinese cultures.